

ДЕКАБРИСТЫ. ПЕРЕЗАГРУЗКА

КНИГА ПЕРВАЯ

АЛЕКСЕЙ ЯНОВ

16+

Алексей Янов

**Декабристы. Перезагрузка.
Книга первая**

«Автор»

2021

Янов А. Л.

Декабристы. Перезагрузка. Книга первая / А. Л. Янов —
«Автор», 2021

Попаданец, сделав карьеру в Америке, направляется в Российскую империю и принимает активное участие в заговоре будущих декабристов.

© Янов А. Л., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть первая.	5
Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Янов

Декабристы. Перегрузка. Книга первая

Часть первая.

Глава 1

Апрель 1822 года

На английском парусном торговом судне, мерно покачивающемся на Балтийских волнах, мы подплывали к Кронштадту. В этом Мире, в этом Времени я уже провёл больше девяти лет. Девять лет назад зашёл в лифт, нажал первый этаж. Вдруг погас свет, под ногами исчез пол и я оказался в состоянии свободного падения, правда, продлилось оно недолго, не больше пары секунд. Приземлился, по счастью, в какую-то свежевырытую земляную кучу, по странности ничего при этом себе не сломал.

Неведомо как, неведомо какими силами, я оказался заброшен из России XXI века в США, вернее в САСШ начала XIX столетия, из дня – в ночь, из сердца России Москвы – в самый центр американской клоаки – в Нью-Йорк, а именно на площадь Файв-Пойнтс – где сходятся пять улиц, в район трущоб, под крышку заполненный притонами и гангстерами.

К утру, отойдя от первого шока, изредка расспрашивая бухих прохожих, все-таки выбрался в более цивилизационные места. Здесь вместо обшарпанных лачуг мирно и безмятежно стояли отштукатуренные белой извёсткой, с зелёными ставнями и оградами кирпичные жилые дома, а также многочисленные конторы, магазины, салуны, кабаки, лавки. Непролазная же грязь под ногами сменилась каменными тротуарами. Под крышами почти что всех этих заведений висели кричащие рекламные вывески, вот они-то меня и выручили – ломбард и гостиницу удалось найти очень быстро. В ломбарде продал брелок, закинув в гостиницу свои кости. В голове назойливо крутилась наивная мысль – надо заснуть, и, возможно, проснись в своём времени!? Не помогло!

Весь следующий день бесцельно слонялся по шумным улицам Нью-Йорка. Городское движение было оживлённым, местное «такси» представленное наемными кэбами и колясками – двуколками, фаэтонами, тильбюри на огромных колёсах. Присутствовали на дорогах и куда более редкие экипажи американских богачей, чьи кареты правили слуги в ливреях.

В пешеходных зонах тоже было многолюдно. По тротуарам бодро вышагивают мужчины с бакенбардами и бородками, на головах шляпы и шапки. Одеты амеры были в брюки и длиннополые сюртуки, а также куртки чёрного, коричневого, синего, бурого, зелёного цвета. Дамы, часто парочками, в пёстрых нарядах всевозможного фасона, многие с зонтиками, в своих лакированных туфлях цокали по мостовым. И рядом со всем этим «великолепием» наблюдалось великое множество грязных и зловонных бродяг. Поодаль от центральных улиц тоже не всё ладно. В многочисленных тупиках и переулках кроме хомосапиенсов часто встречались стаи собак, а ещё больше пасущихся коров и зарывшихся в грязь свиней. Поистине, город контрастов!

В первое время в Нью-Йорке я был вынужден просто и тупо выживать, приспособливаясь к совершенно новой для себя обстановке. Своей работой на первых порах, да и нынешней безбедной жизнью я был целиком и полностью обязан исправно функционирующему смартфону, снабжённого панелью – солнечной батареей, подзаряжающейся, как не сложно догадаться, энергией солнечного света, пусть и медленно, по сравнению с электричеством, но выбора-то

у меня сейчас не было. Это мой главный, тщательно оберегаемый ото всех тайный артефакт, хранящий гигабайты скаченной литературы, по самой разной тематике – от стихов до технологий производства полупроводников. Самому удивительно, чем я только в своё время не интересовался!

Да! Совсем забыл представиться! Зовут меня Головин Иван Михайлович. Сейчас мне 30 лет, когда провалился в Америку времён Дикого Запада, едва исполнился 21 год. Рост 185 см., вес 95 кг., темно-русые волосы, серые глаза.

Так вот, в первые же дни пребывания в штатах мне удалось довольно быстро сориентироваться в окружающей обстановке. Продал свои золотые ювелирные изделия – цепочку с браслетом. На вырученные доллары обзавёлся съёмным жильём в приличном квартале. Попал я сюда хоть и в экстравагантном, по нынешней моде, но во вполне приличном костюме, особенно учитывая "разношерстность" Нью-Йорка. Ещё и поэтому особых проблем со съёмом жилья у "джентльмена" в моём облике не возникло. Знание английского языка у меня было вполне на уровне, выучить этот язык в моё время особых проблем не составляло, было бы желание. Оглядевшись по сторонам, «промониторив» ситуацию на рынке труда, мной было принято единственно правильное решение подвязаться работать в американском издательском бизнесе.

В Америке в эти годы выходило около двух десятков ежедневных и более четырёх сотен еженедельных газет и журналов. Более того, в САСШ абсолютно любой человек, имея немного денег, ручной печатный станок и бумагу, мог открыть свой печатный орган. Но американские СМИ покорили меня, прям до нервного хохота, своим внутренним содержанием. Чего они только не печатали – от вещей вполне серьёзных, до откровенной ахинеи! Их печатные площади служили ареной политической борьбы отдельных политиков, партий и группировок. Помимо новостей политического и государственного характера, текстов официальных документов на страницах изданий печаталась доморощенная и европейская поэзия, биографические сочинения, романы, рассказы, критика, переводы, сведения из истории, физики, химии, географии, архитектуры, пропагандировалась христианская мораль наряду с философией, присутствовали статьи о светской жизни, свадьбах, смертях, крестинах, вопросы рабства соседствовали с заметками о сельском хозяйстве и метеорологических наблюдениями. Издания активно предоставляли свою печатную площадь под платные объявления, реклама занимала до половины содержания газет.

В журналах публиковалось особенно много, на мой взгляд, откровенной бредятины, впрочем, пользующейся здесь читательским интересом. На страницах журналов на полном серьёзе присутствовали философские рассуждения о женском поле, большое внимание уделялось проблемам брака. Например, в одном из журналов был раздел под названием "Справочник любви", где регулярно публиковались в форме ответов редактора на вопросы несчастных влюблённых в форме весьма забавных советов и наставлений.

Прикинув свои силы, тщательно "прошерстив" смартфон, недолго думая я решил "потоптаться" на благодатной ниве журналистики. Мне с моими оригинальными идеями было не сложно пробиться в этот печатный "поток сознания". Удалось довольно быстро сойтись и достигнуть полного профессионального и финансового взаимопонимания с бывшим юристом Брокденом Брауном. Он редактировал ряд журналов в Филадельфии и в Нью-Йорке, сочетав в себе сразу три профессии – автор романов, редактор и издатель. Сошлись мы и с эссеистом Джозефом Денни, редактором изданий "The Port Folio" и "Нью Хемпшир джорнэл, ор Фармерз уикли мьюзиум". Позже я стал высылать свои материалы, за оговорённый гонорар, в популярные и влиятельные "Массачусетс мэгезин", а также в "Америкен мэгезин", "Газет оф Юнайтед Стейтс". С моего письменного разрешения и за соответствующий гонорар мои рубрики перепечатывали множество мелких провинциальных газет. Общенациональных изданий и подписок ещё не существовало. А вот, к моему счастью, нормы авторского права в стране уже действовали не одно десятилетие.

Сильно удалось мне зацепить наивных аборигенов, с «девственно чистыми мозгами», результатами «своего» интеллектуального труда. А именно кроссвордами классическими, сканвордами, филвордами, кейвордами и цифровыми головоломками ("судоку") здесь прозванными "латинским квадратом". Всё это богатство легко генерировалось смартфоном. Помимо этого, в телефоне у меня хранилась в огромном количестве развлекательная литература с головоломками, заданиями на смекалку, логическими задачами, анекдотами, фокусами, загадками – их я тоже, потихоньку, "скармливал" посредством газет и журналов читающей Америке.

У американской читающей публике эти, казалось бы, невинные развлечения, просто "взрывали мозг"! Все «мои» остроумные новинки – по нынешним временам стали настоящими открытиями и "ноу-хау". В штатах, да и во всём мире чувствовался острейший дефицит на развлечения – здесь даже ещё не изобрели фотографию, не говоря о чём-то большем. А отдыхать, смеяться, задумываться – всегда было и есть непреодолимой потребностью человеческого разума. Поэтому от читателей, скрашивающих досуг предложенным мною новым, неординарным способом, я получал в ответ только бурный восторг и кипы благодарственных писем. И естественно, по законам рынка, к газетам и журналам, печатающим у себя мои рубрики, сильно возрастал читательский интерес. Тиражи этих изданий росли в математической прогрессии. Позже, конечно, появились подражатели, куда уж без них! И если по части кроссвордов эти обезьянничающие авторы ещё могли со мной конкурировать, то по части цифровых головоломок, раскрытия секретов фокусов, анекдотов, логических задач и загадок они выглядели моей бледной тенью.

Например, одна из моих первых, логических задач, с которой я дебютировал в одном из еженедельных журналов, была следующего содержания. "Фермеру надо перевезти через реку волка, козу и капусту. Но в лодке может поместиться только фермер, а вместе с ним или только волк, или только коза, или только капуста. Но если оставить волка с козой, то он ее съест, а если оставить козу с капустой, то она ее съест. Как фермеру перевезти свой груз через реку?" Страждущие любопытством граждане уже в день публикации принялись осаждать издательство с требованиями дать правильный ответ, подтвердить или опровергнуть их догадки, некоторые спорщики даже пари заключали. Опять же, американцев интересовал не только несчастный фермер, но и ответы на некоторые вопросы в кроссвордах. Людям было совсем нелегко дожидаться следующей недели. В издательстве молчали как партизаны, отговариваясь отсутствием автора рубрики, призывая всех терпеливо дожидаться выхода в свет следующего номера. Причём, по клятвенным заверениям сотрудников издательства, в свежем выпуске будут не только ответы на прежние кроссворды и задачи, но и новые кроссворды, и прочие интересные задания от автора рубрики мистера «Golovin». Люди не спешили расходиться. Прямо у стен издательства они обсуждали друг с другом цифровые головоломки, вопросы и ответы в кроссвордах, спорили до хрипоты, доказывая свою правоту, сверяли между собой свои ответы. И это «паломничество» к стенам издательства продолжалось всю неделю. Успокоилась взбаламученная, заинтригованная аудитория журнала, только с выходом в свет следующего выпуска, ведь на его страницах были ответы на животрепещущие вопросы. "Фермер должен, перевезя козу, вернуться и взять волка, которого он тоже перевозит на другой берег. После этого он оставляет его там, а козу забирает и везет обратно. Здесь он оставляет козу и перевозит к волку капусту, после чего возвращается и, наконец, переправляет на другой берег козу." Рядом был напечатан кроссворд прошлого выпуска с правильными ответами. И тут же, вместе с долгожданными ответами, на головы читателей обрушивались новые кроссворды с головоломками и задачами. И спираль начинала раскручиваться по новой, вместе с резко возросшим тиражом.

Вскоре, конечно, ажиотаж, вызванный первыми выпусками спал, публика перестала так импульсивно и эмоционально реагировать, но интерес к новой рубрике никуда не делся, напротив, он лишь возрастал от недели к неделе, от тиража к тиражу. Таким не хитрым путём в обра-

зованных кругах американского общества я обзавёлся не только Именем, с большой буквы, но и вполне приличными деньгами – вечно зелёными долларами. Хотя здесь всё ещё была распространена уже начавшая изживать себя практика, когда авторы статей за публикацию своих материалов сами приплачивали издательству, профессиональная журналистика находилась ещё в стадии формирования. Но у меня, для редакторов пропагандирующих подобные принципы был железный и не убиваемый аргумент – рост тиража и, соответственно, взлёт продаж и денежных поступлений был напрямую завязанный на появление у них моей рубрики. К тому же, как уже говорилось, правильные ответы на кроссворды, головоломки, задачи и загадки публиковались не сразу, а в следующих выпусках газет и журналов, что тоже способствовало увеличению тиража изданий.

Учился я не только в Боудин-колледже, штат Мэн, но и брал частные уроки фехтования. И здесь меня поджидал сюрприз! Совершенно неожиданно у меня обнаружилась какая-то бешеная скорость. И по сей день это остается для меня загадкой. Может, при временном переходе, изменилась нервная система, а может быть и всегда была такой? Но больше всего, лично мне, нравилась версия, что сам временной поток в этом Мире течёт медленнее, чем в Мире моей реальности, оттого-то они на два столетия и отстоят друг от друга. Ещё раньше, сразу после моего чудесного появления в Нью-Йорке мною подспудно ощущалась какая-то еле уловимая взглядом вялость, заторможенность местных жителей, но это явление я списывал на культурные особенности эпохи, связанную с излишней манерностью, показной неспешностью. Но, уже первое занятие по фехтованию, со всей наглядностью продемонстрировало, что дело не только в сложившихся здесь поведенческих стереотипах, копать нужно куда как глубже! Иначе, как объяснить, что я, человек, рождённый в 21 веке, никогда из холодного оружия не бравший в руку ничего серьёзнее ножа, на первом же занятии с мастером шпажного боя только за счёт скорости реакции уделывал его как стоячего. Складывалось такое ощущение, как будто мой соперник находится, и, соответственно, двигался под водой. Американца спасала лишь многолетняя, хорошо отточенная техника боя. Только благодаря ей ему с трудом удавалось хоть как-то, пропуская от общего числа как минимум четверть моих резких выпадов и уходов, противостоять сыплющемуся на него граду совершенно неумелых, дилетантских ударов. Контратаки же мастера, полностью захлебывались, отводить его клинок было ещё проще, нежели атаковать самому.

Мастер был в шоке! Он явно подметил мою технику полного профана, но при всём при этом, благодаря сверхъестественной скорости оппонента, в нашем учебном поединке он ничего не мог со мной сделать. У бедного американца, боевого офицера, в молодости пользующегося репутацией успешного и крайне опасного бретера (справки об этом человеке я предварительно навёл), произошёл самый натуральный разрыв шаблона. Только после того, как мы с ним «раздавили» бутылку виски, американец смог кое-как собрать «мозги в кучу». Мне, после всего открывшегося тоже потребовалось время, чтобы прийти в себя. Посидели, поговорили за жизнь. Мастер долго расспрашивал, интересуясь моей биографией, ну и услышал вымышленную её версию. В итоге договорились продолжить наши занятия. Американец обещался поставить мне технику. И сдержал своё слово.

Из Нового Света я уплывал уже относительно опытным дуэлянтом, имея на своем счету пару жмуриков и меньше десятка выживших в поединке, "легко" отделавшихся ранениями. За несколько лет пребывания в САСШ, возможно, со стороны этот результат и выглядел скромно, но своим мастерством я не бравировал, стараясь им понапрасну не злоупотреблять. Первым на дуэли никого не вызывал, иначе выбор оружия был бы за противником, а нарваться на дуэльные пистолеты не входило в мои планы. Хотя я и невероятно быстр, но соревноваться в скорости с пулей было бы опрометчиво. В случавшихся иногда стычках предпочитал отделяться от дебоширов зуботычинами. И этого всем хватало с избытком. Излишне накаченным я не был, но мой удар кулаком из-за своей скорости совсем не типичной для этого мира, в соответствии

со вторым законом Ньютона, гласящим, что сила равна произведению массы на ускорение, наверное, смог бы свалить и быка, не говоря уж о человеке любой подготовки и комплекции. И при всём при этом, ничто не мешало мне уворачиваться от ответных ударов.

Не знаю, чтобы стало с моими нечаянными-негаданными способностями в моём родном 21 веке, но в этом временном потоке я смог бы запросто сделать спортивную карьеру, хотя спорт сейчас далеко не так популярен и развит. Мог бы с лёгкостью стать каким-нибудь циркачом или жонглером. К сожалению, а может и к счастью, спорт и публичные цирковые представления меня совершенно не интересовали. Со страшной силой меня к себе манила не только, если так можно выразиться, «интеллектуальная журналистика», но и смежный с ней род деятельности.

Четыре года назад я шокировал не только местную, но и, наверное, мировую общественность, опубликовав, естественно в адаптированном к здешнему времени варианте, произведение ещё не родившегося Герберта Уэллса "Человек – невидимка". Эта книга сразу стала "бестселлером", хотя здесь такой термин ещё не употреблялся. Но феномен, когда книга, будучи опубликованной, сразу же приобретала популярность, был известен. Ранее подобной популярностью в Европе и Америке пользовались вышедшие в печать в XVIII веке такие специфичные, на мой взгляд, произведения как "Приключения Телемака" Фенелона, "Новая Элоиза" Руссо, "Манон Леско" Прево, были в этом списке и приятные исключения – "Робинзон Крузо" Дефо и "Гулливер" Свифта. В самом начале XIX века к бестселлерам относили книги Шатобриана "Атала" и "Гений христианства". Уже явила себя миру восходящая звезда Вальтера Скотта, с весьма уважаемым мною творчеством. Целая плеяда литературных гениев, чьи произведения составят "золотой фонд" мировой классики появятся несколько позже, главным образом начиная со второй половины этого столетия. В общем, передо мной, с моим смартфоном, на литературном поприще открывалось просто "не паханое поле".

"Человек – невидимка" впервые опубликованный год назад и по сей день выходит многотысячными тиражами не только в штатах, но и во всей Европе, в том числе в переводе на национальные языки. Проблема в том, что авторское право было действенным только в рамках национальных границ отдельных стран. "Международный закон об авторском праве" в моей истории был принят в 1891 году. Поэтому я "стриг баксы" только с книг издаваемых американскими издательствами, с коим мы предварительно заключили соответствующие контракты. Это были "Р. Баузер" (R.R. Bowker Co), "У. Уилсон" (The H.W. Wilson Co) и "Харпер и К°".

Перед самым отбытием в Старый Свет я отдал в печать всё тем же издательствам произведение Волкова А.М. "Волшебник Изумрудного города" – там и адаптировать ничего не надо, да и сама сказка была переписана Волковым с произведения Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». Американская публика оценить эту сказку ещё не успела, но редакторы, работники издательств, а самое главное их дети от прочтения этой книги пребывали в полном восторге. Не сомневаюсь, что и это "моё творение" ждёт успех. В моё отсутствие, вырученные от продаж книг средства будут поступать на открытые мной банковские счета в американском "City Bank of New York".

Кстати говоря, по не проверенным слухам, "Человек – невидимка" начали печатать и в России не только столичные, но и некоторые провинциальные типографии при губернских правлениях. Для моих далеко идущих планов это было бы мне только на руку, так как требовалось некоторая известность в собственном Отечестве.

Ещё на подготовительной стадии печати "Волшебника Изумрудного города" я настоял на том, чтобы привлечь художников для иллюстрирования произведения. Немцем Зенефельдером уже был разработан и стал применяться как в европейских, так и в американских издательствах, литографский способ печати. Поэтому для художников-иллюстраторов нанести рисунок на литографский камень не представляло особого труда. Так, моя сказка оказалась снабжена

двумя десятками иллюстрированных изображений, что, в первую очередь, должны по достоинству оценить дети.

Я планировал открыть собственную типографию в России. Цензуры там пока, слава Богу, нет, её введёт Николай 1, ещё не взойшедший на престол. Поэтому, вместе со мной в грузовом отсеке корабля, путешествовал приобретённый в штатах самый простой литографический станок – два деревянных вала, между которыми перемещалась тележка с литографским камнем (мелкозернистый известняк). Стоимость доставки (в современной мне метрической системе) одной тонны груза до Петербурга, с пересадкой в Англии составляла около 10 фунтов стерлингов. Каюта до Англии обошлась мне в двадцать гиней и ещё примерно столько же предстоит выложить, чтобы добраться до российской столицы. Путешествие вышло не из дешёвых.

В самой литографии ничего особо сложного не было. На отшлифованную форму из известняка наносился жирной («литографской») тушью текст или изображение, затем эта поверхность протравливалась кислотой. Не покрытые литографской тушью протравленные участки после такой обработки отталкивают типографскую краску, а на места, где был нанесен рисунок, типографская краска, наоборот, легко прилипает. С недавних пор всё чаще вместо известнякового камня, благодаря стараниям всё того же Зенефельдера, стали использоваться металлические формы. Печать с помощью металлических форм стала называться металлографией. Новые способы печати, пришедшие на смену ручному станку, в скором времени должны спровоцировать взрывной рост производства печатной продукции.

После того как у меня появились первые гонорары и я обзавёлся некоторыми связями, именно они позволили без особых проблем оформить американское гражданство и получить на руки свои первые настоящие документы. Затем я поступил на юридическое отделение Боудин-колледжа. Это был частный гуманитарный университет в г. Брансуик, штат Мэн, основанный меньше двадцати лет назад губернатором Массачусетса Сэмюэлем Адамсом. Образование мне требовалось, главным образом, лишь для внешней респектабельности, особых откровений и новых знаний, кроме ныне действующего американского права, я в колледже практически так и не обрёл. Разве, что, выучил латынь, французский, да обучился бальным танцам, что для современного общества значило очень даже не мало.

Во время учёбы зарабатывал не только писательским трудом, но и игрой на биржах. Были в моём смартфоне подробные сведения о ходе Наполеоновских войн, книги по истории как США, так и Мировой экономики и даже сумел в недрах всё того же смартфона «откопать» данные по климатическим аномалиям. Особенно хорошо удалось заработать в 1817 году. В 1816 году случился так называемый «год без лета» – годом ранее индонезийский вулкан Тамбора выбросил в атмосферу тонны пепла, вызвавшие эффект «вулканической зимы» в северном полушарии. Летом семнадцатого года даже в Нью-Йорке и в Новой Англии выпадал снег, и регулярно случались заморозки. Как следствие необычный холод привёл к катастрофическому неурожаю. Весной 1817 года цены на зерно выросли в десять (!!!) раз. Об этих событиях я знал заранее, а потому вложил всю свою скопленную наличность в покупку дешевого зерна, да еще и кредиты под эти цели набрал сразу в нескольких банках. Попридержал зерно до начала роста цен, а затем стал выбрасывать его на рынок, зарабатывая на восходящем тренде. Нынешний двадцать второй год я уже встречал не только в качестве известного писателя, но ещё и весьма состоятельного «янки».

Штатовское гражданство я намеривался сохранять до тех пор, пока не перейду со статусом, как минимум дворянина, в подданные русского царя. По разрабатываемой мной самим для российских властей легенде я являюсь рано осиротевшим внуком помора, уплывшим из Архангельска на английском торговом корабле и осевшим в Америке. Врать, что происхожу из дворянского «рода-племени» я не собирался, подобная ложь вскрывается на раз. Но и записываться в полубезправные податные сословия будь-то купец или мещанин мне совсем не улы-

балось. Думаю, должны же мне российские власти даровать дворянство за «мои» писательские таланты?! Ну, да, как говорится, война план покажет!

Вот с таким "багажом за плечами" я плыву на свою историческую Родину – в Россию, точнее в Российскую империю, страну, только недавно пережившую Великую Отечественную войну, страну сумевшую разгромить общеевропейскую вражескую коалицию во главе с бонапартийской Францией. И терзаюсь при этом сонмами переживаний и вопросов, приятно будоражащих кровь. Что, в конечном итоге, ждёт меня в неизвестной и загадочной России – «грудь в крестах или голова в кустах»?

Возникает закономерный вопрос, зачем мне это всё надо? Зачем я затеял весь этот переезд, если всё так удачно складывается по ту сторону океана? Дело в том, что в моей голове, с каким-то просто неистребимым, маниакальным упорством, "зреют, цветут и пахнут" планы моего непосредственного и активного участия в заговоре Декабристов. Свержение Николая Палкина с пресечением правления последующих Романовых, бездарно похеривших наследие прорывного для России XVIII века – вот, какую амбициозную цель я себе ставил! Сам себя, пугаясь и слабо веря в собственные силы, но я, уже только по факту нахождения пассажиром на этом корабле, решительно сделал первый шаг в этот захватывающий дух эпос! Я был убеждён, что только установление в России Республики, с упразднением сословий и крепостного права способно дать шанс российскому государству и русскому народу занять достойное место в числе великих держав современности и веков грядущих. Риск – просто колоссальный, но я авантюрист, если говорить одним словом, "адреналиновый наркоман" если говорить двумя! Ну, да, какой есть ...

– Стах! Ник! – приоткрыв скрипучую дверь своей скромной каюты, громко прокричал в тамбур. – Живо сюда, стервицы!

– Звали, мистер Айвэн? – сглатывая слова спросил запыхавшейся от бега Стах, секундой спустя к нему присоединился раскрасневшийся Ник.

Эти два ирландца часами напролёт пропадали на палубе, меня же, всё плавание, откровенно мутило. Корабль раскачивался взад и вперёд, из стороны в сторону, поднимался вверх и опускался вниз – эти перемещения корабля в пространстве напрямую зависели от направления и силы ветра, а также высоты волн. Только лишь заняв на своей шконке горизонтальное положение и прикрыв глаза начинал чувствовать себя немного лучше. Казалось, как будто бы я младенец, которого кто-то убаюкивает в колыбели, но проделывает это слишком уж грубо и настойчиво.

Что же касается моих малолетних слуг и по совместительству воспитанников, то читать, писать и считать они уже умели, а вот с изучением русского языка дело обстояло пока не очень. Ну, так, "лиха беда начало" мы его в серьёз и учить-то только недавно начали. В штатах ребята использовались мной для готовки, уборки, постирки и в качестве курьеров. Ирландцы были активные, вполне смыслённые, а самое главное благодарные, а потому мне лично преданные.

– Заходите быстро! – пропустил двух подростков внутрь кубрика и захлопнул дверь – Может вам билеты назад купить? Слушаться вы меня всё равно не хотите, что вам в России делать? И двух слов связать не сможете?

– Нет-нет!!! Хоспотин Ивэн Михалич! – не на шутку испугавшись моей подначки заверещал Стах, сразу перейдя на русский язык с чудовищным произношением.

– Хоспотин Эван Мишайлевич, мы тольк с вами вседе! – поддержал коллегу Ник с не менее жутким акцентом.

– Вам было с утра дано задание выучить двадцать новых русских слов. Верно?

– Да! Да! – с неохотой подтвердили слуги.

– Что же, сейчас проверим ваши успехи ...

Этих двух ирландцев в разное время я подобрал в Америке. Это сейчас они прям пышут здоровьем, а были когда-то заморышами, доведённые своим образом жизни до состояния полуживых трупов. Рыжеволосого 19-ти летнего Стаха О,Донована я пять лет назад нашёл замерзающим на улицах Нью-Йорка. Светловолосого 18-ти летнего Ника О,Конора год спустя, в состоянии крайнего истощения – буквально умирающего от голода скелета, я забрал к себе с улиц Бостона. Судьбы ребят похожи. Оба они родились в самом чреве американской клоаки – в иммигрантских трущобных кварталах, оба в детстве лишились родителей. Оказались выкинутыми на улицы, вследствие чего были вынуждены проводить своё "счастливое" детство занимаясь бродяжничеством и попрошайничеством. В моём лице они обрели не только и не столько работодателя, сколько новую семью. Я стал их крёстным отцом. Окрестили ребят в православной церкви, устроенной выходцами из Греции и Балкан. Поэтому полные имена О,Донована и О,Конора Евстахий (Твердостоящий) и Никифор (Триумфатор) соответственно.

В каюте было довольно темно, тусклый свет исходящий от иллюминатора слабо освещал помещение. Стоя над умывальником, бриться приходилось больше на ощупь, висящее на стене тусклое зеркальце в этом деле почти никак не помогало.

– Мистер Айвэн! – отвлёк меня от этого сложного процесса Никифор. Почему сложного? Дело в местной дурной, на мой вкус, моде на усы и бакинбарды, которые приходилось тщательно обривать, боясь при этом сбрить лишний клочок волос, особенно это было актуально на расшатывающемся на волнах судне. – Вы говорите, что в России есть белые рабы, значит мы со Стахом тоже будем вашими рабами? Кре-пост-ными? – Ник по-русски произнёс последнее слово.

– Вовсе нет! – успокоил сидящих на сундуках парней. – Будете по-прежнему на первое время моими служащими или денщиками, сам не знаю, как правильно будет вашу должность называть, не в России я родился! А потом поставлю вас приказчиками в собственной фирме, когда сам в новой стране обустроюсь и вы подрастёте, да по умнеете.

– Мы и сейчас не глупые! – заупрямился Ник.

– А я у мистера Айвэна и рабом согласен быть! – гордо выпялив вперёд челюсть заявил Стах, всем своим видом бросая вызов Нику.

– И я тоже согласен рабом! – не желал не в чём уступать своему визави подбоченясь заявил Ник.

Я рассмеялся.

– Дурни вы, вот вы кто! Неужели до сих пор не поняли, что я противник любого вида рабства!

Оба ирландца с интересом уставились на меня.

– Но только это между нами, в России об этом никому ни слова, ни пол слова. За такие крамольные мысли могут быть неприятности на ровном месте. Ясно?

– Да, мистер! – Ник.

– Ясно, мистер! Мы могила! – Стах.

– А теперь давайте на русском с вами поговорим, – сказал я со вздохом, – пока плывём в этой зловонной бочке, прозванной отчего-то кораблём, время у нас есть. Что будет потом – неизвестно!

После занятий, оставшись наедине со своими мыслями я в который уже раз во время этого плавания предался размышлениям. Планируемое мной участие в декабрьском восстании было для меня не только эмоциональным порывом, но и тщательно взвешенным решением. Вопрос Декабрьского восстания, благодаря своему смартфону, я успел не плохо изучить со всех сторон. Тему декабристов, пожалуй, как никакую другую, окружают множество мифов. Одни видят в восстании декабристов романтическую историю. Благородные аристократы, проникшиеся идеями Просвещения и пройдя по Европе в победоносном походе, решили отказаться

от собственных сословных привилегий. Революционеры второй половины XIX века объявляли декабристов своими непосредственными предшественниками и даже учителями.

Достаточно спорным является представление о декабристах как об «узком круге». Разумеется, по сравнению с массовыми партиями XX века они были небольшой группой, но для своего времени и «Союз благоденствия», и «Союз спасения» были достаточно серьезными, даже передовыми политическими организациями по понятиям своего времени. Материалы официального следствия дают нам картину весьма впечатляющего заговора, отнюдь не ограничившегося узким кругом петербургских «злоумышленников». За рамками следствия остались тысячи симпатизирующих, которые, не будучи готовы непосредственно лично участвовать в заговорах, не сомненно примкнули бы к восставшим в случае их победы.

Представление об обреченности декабрьского восстания, о его «преждевременности», о том, что оно было затеяно людьми, обогнавшими свою эпоху, на первый взгляд подтверждалось общей картиной реакции, воцарившейся в стране после краха движения. Но попытка декабристов изменить Россию вовсе не была беспочвенной авантюрой. Более того, их затея была своевременна и закономерна.

Тайные общества начинают возникать сразу по окончании наполеоновских войн. Сначала – «Русские рыцари» (1814), потом «Союз спасения» (1817), затем «Союз благоденствия» в 1818 году. К 1821 году оформился полноценный заговор, вовлекший в свою орбиту не только изрядную часть столичной элиты, но и провинциальных офицеров из обедневших дворян, составивших костяк «Южного общества» и «Общества соединенных славян» – крайне левого крыла движения.

В уникальной политико-экономической ситуации 1815- 1825 годов наиболее просвещенная и смелая часть российского правящего класса увидела открывавшуюся перед страной историческую возможность путём модернизации общественного порядка превратить Россию в полноценную европейскую державу, имеющую не просто большую армию, но и самостоятельную и сильную экономику. Военно-политические итоги 1812-1814 годов надо было или закрепить на уровне общественного развития, или неизбежно утратить (что впоследствии и произошло за время царствования Николая I).

Декабристы были не просто аристократами, но, в первую очередь, они представляли военную элиту. В этом смысле восстание 1825 года, весьма отличалось от европейских буржуазных революций XIX века. Оно скорее напоминало многочисленные заговоры, перевороты и революции, устроенные модернизаторски настроенными военными в странах «Третьего Мира» на протяжении XX столетия. В определенном смысле движение декабристов стало прообразом целого ряда военно-революционных движений и радикальных офицерских заговоров в странах периферии – от «младотурков» в Османской империи до антиимпериалистических военных переворотов в арабских и африканских странах XX века и военных хунт в Латинской Америке. Значительная часть подобных переворотов, порою подготовленных и осуществленных куда хуже, чем выступление 14 декабря 1825 года, заканчивалась вполне успешно – по крайней мере, в смысле взятия власти. Иной вопрос, насколько успешно употребляли ее победители.

Восстание 1825 года трагично не потому, что это был заведомо обреченный на провал первый героический шаг, а потому что оно представляло собой упущенную, но реальную историческую возможность для России соскочить с пути периферийного, полукOLONиального развития. То, насколько уникальна и неповторима была ситуация начала 20-х годов XIX века, стало очевидно уже к концу десятилетия. Расправившийся с декабристами Николай I отнюдь не исключал на первых порах мысли о реформах и даже об освобождении крестьян. Но с каждым годом становилось все яснее, что практической возможности для этого у петербургского правительства уже нет. Через треть века потребовалось позорное поражение в Крымской войне, чтобы сподвигнуть царское правительство начать осуществлять хоть какие-то серьезные реформы. Но вся эта реформаторская деятельность страдала общей непоследовательностью,

неполноценностью, ограничивалась зачастую полумерами, да и времени было понапрасну упущено слишком уж много. Незначительное промышленно-технологическое отставание в начале века от страны-лидера Англии к середине XIX столетия превратилось в критическое отставание даже от стран европейского «второго эшелона». Эту тенденцию прекрасно демонстрирует металлургия, бывшая некогда передовой и самой технологичной отраслью не только нашей промышленности, но и экспорта. В 1825 году русскую металлургию опережает французская и североамериканская, к 1855 году Россия по производству чугуна отстает от Германии и Австро-Венгрии. К середине XIX века русская промышленность, в прошлом веке крупнейший поставщик металла в Англию, сама уже нуждается в импорте чугуна из той же Великобритании. Эти цифры, на мой взгляд, прекрасная квисисенция всего периода правления Николая Павловича.

Конечно же, я не отрицаю риск, что ситуация в России и, что особенно важно, её долгосрочные перспективы развития, в результате моего вмешательства могут стать сильно хуже, чем было в моей истории, но этот риск был оправдан. Если только не будет реставрирована свергнутая абсолютистская рабовладельческая монархия, то, на мой взгляд, ситуация в стране вряд ли может быть сильно хуже эталонного варианта истории. Повторюсь, я был настроен серьёзно, я бы даже сказал рЭволюционно, и в любом случае не собирался давать задний ход.

По длинной, узкой лестнице поднялись на палубу, там уже толпился галдящий народ, рассматривая приближающийся берег Туманного Альбиона. На пристани портовая обслуга помогала нашему кораблю пришвартоваться, закрепляя канаты. По перекинутым с берега сходням пассажиры начали спускаться вниз, на твёрдую землю.

Местные грузчики-стюарды, сразу после растаможки в порту привезённого мною с собой транзитного оборудования, за плату в несколько шиллингов, вынесли и помогли загрузить в телегу извозчика все мои коробки с разобранным литографическим станком и пару сундуков с вещами и бумагой. Весь свой скарб отвёз в ближайшую гостиницу. За полгинеи снял на неделю два номера. Подкрепившись в местном трактире, оставив на хозяйстве ирландцев, я нанял кэб и отправился обратно в порт – выискивать судно, отправляющееся в Санкт-Петербург.

Ничего подходящего в этом портовом городке не нашлось, пришлось брать междугородний дилижанс и в соседстве с семью пассажирами скататься в Лондон. Рядом со мной сидела очень даже милая англичанка к моему удивлению с упоением читающая в трясущемся «тарантасе» книгу «Человек-неведимка». Из-под кисейной юбки угадывались пара стройных ножек, а из-под шляпки, на обвалакивающие плечи ост-индийскую шаль, ниспадали светлые локоны волос. Хотя местные девушки и не пользовались румянами и пудрой, но все были очень бледны, загар, что в САСШ, что в Европе ныне совсем не в моде. Попробовал с ней заговорить сначала на французском, на что, удостоившись со стороны девушки внимательного осмотра с головы до ног, на всю свою многословность получал только ответы двух типов “oui” и “non”. Впоследствии я понял свою ошибку, образованные англичане в массе своей хоть и владеют французским, но предпочитают общаться на своём родном языке. В отличие от здешнего русского столичного дворянства – там, по слухам, без знания французского языка будешь глух и нем. Именно это обстоятельство и заставило меня в Америке старательно учить французский, хотя, возможно, после наполеоновских войн ситуация с засильем в русском высшем обществе французского изменилась в лучшую сторону? Симпатичная же англичанка, к сожалению, оказалась замужем, поэтому раскрывать своё инкогнито я не стал, да и вряд ли бы она мне поверила, портрета автора в этой книге не было. Хотя нет, доказательства были в моём саквояже в виде книг американских издательств, а также некоторых газет где присутствовало рисованное изображение «знаменитого американского писателя».

Ха-ха, самому от себя иногда бывает смешно, стоит лишь вспомнить кто я в действительности есть на самом деле – русский иновременной вор интеллектуальной собственности

ещё не родившихся писателей, к тому же заражённый революционными идеями переустройства общества. Не слабый, надо признать, коктейль бурлил в моих мозгах, к тому же смертельно опасный для здоровья. Но жизнь, как известно, игра, причём азартная, по этому принципу я и жил, что в том времени, что в этом. И с этого, будоражащего кровь пути сворачивать не собирався ни вправо, ни влево, двигаясь только вперёд к новым свершениям и острым ощущениям!

Дилижанс благополучно доставил всех пассажиров в деловую часть английской столицы – в лондонский Сити. Берега величественной и прекрасной зловонной и грязной Темзы в районе Сити в отличие от Вестминстера не имели хорошей набережной и были застроены местами самыми настоящими трущобами, а по узким улицам бродили рабочие, матросы и целая «армия» нищих. Поверхность Темзы была устлана не только плавающим мусором, но и множеством сновавших туда-сюда лодок, чаще всего, как я подметил, нагруженных углём. Лишь ближе к зданию Биржи стало чище, покосившиеся постройки сменились более опрятными лавками и магазинами и всё чаще на глаза стали попадаться купцы и прочие более-менее уважаемые джентельмены.

Лондонская биржа представляла собой огромное четвероугольное здание с колоннадами, портиками и с величественными аркадами над входом. Войдя внутрь, первое, что мне бросилось в глаза была статуя Карла II возвышающаяся на высоком мраморном постаменте. Отсюда, куда не кинь взгляд, просматривалась галерея, под аркадами которой собирались купцы тихо ведущие между собой торг, решающие куда именно и зачем тому или иному кораблю плыть – в Новый Йорк или за мыс Доброй Надежды, что ему везти с собой на продажу, а что, наоборот, покупать. Но мену эти купецкие дела совсем не интересовали. Соориентировавшись, от статуи короля я направился к размещающимся у стен доскам объявлений, на которых была напечатана нужная мне информация о пришедших или отходящих кораблях. Из английских портов можно было уплыть куда угодно – в Америку, в Китай, в Малабар, в Нутка-Соунд, в Архангельск, в Санкт-Петербург ...

У местного клерка за отдельную плату удалось выяснить, что информацию о заинтересовавшем меня корабле можно узнать в так называемом «Лойдовом доме», располагающимся рядом с биржей. Там собираются лондонские страховщики и туда же стекаются новости из всех земель и частей света. В страховой компании мне без лишних разговоров предоставили для ознакомления большую книгу типа справочника, в которую вписываются данные о прибывающих и отправляющихся кораблях, их владельцах и капитанах.

На следующий день одного из совладельцев нужного мне корабля я нашёл в кофейне – он там регулярно завтракал, попивал кофе и просматривал бумаги. Официант подвёл меня к этому джентельмену, я представился и мы тут же, к моему удивлению, перешли на «великий и могучий». В ходе разговора выяснилось, что в этом «кофейном доме» собираются купцы, торгующие с Россией. Все они бывали в Петербурге, знают русский язык на довольно приличном уровне. Договорится о моём проезде в Россию вместе с багажом и слугами с этим англичанином не составило никакого труда, казалось он был рад нашему общению и возможности поговорить на русском.

Хоть и с нетерпением ожидая скорого отплытия, в Лондоне сложа руки «на чемоданах» я вовсе даже не сидел. Удалось встретиться с владельцем уважаемого детского журнала «Янг Фолкс» с которым договорились о печати сразу двух романов «Волшебник Изумрудного города» и «Остров сокровищ» Роберта Стивенсона. С издательским домом «Муррей» были заключены соглашения на выпуск всех моих изданных в САСШ «взрослых» книг, также были обговорены условия будущего сотрудничества. Кроме того, английские издатели любезно помогли мне приобрести, с отложенной поставкой на будущий год, пару паровых машин повышенного давления производства компании Вулфа, а также разместить заказ на плоскосеточную

бумагоделательную машину в городке Фрогморе. Также в одном из банков Лондонского Сити открыл счёт для перечисления гонораров поступающих от английских издательств.

Во время пребывания в английской столице совершенно случайно познакомился с одной замечательной и прелестной во всех отношениях девушкой, работающей служанкой в пансионе. Когда прогуливался по аллеям парка расположенного рядом с гостиницей в которой я проживал, внезапно солнце заволокло тучами и грянул ливень. Вот так мы и оказались вдвоём с Дженни под сенью древнего дуба, ища под его кронами спасение от потоков воды. На равных с ней общаться упорно не получалось, она принимала только формулу «хозяин – служанка», что в общем-то меня устраивало. Выяснилось, что её семья проживает в Кентском графстве, на её отце висит «огромный» долг в три гинеи, и начав недавно работать в пансионе служанкой, она копит деньги, мечтая помочь родителям оказавшихся в большой нужде рассчитаться с кредиторами. Дженни получила минимальное образование и по её признанию главными удовольствиями этой семнадцатилетней девушки были «работа, доброе отношение госпожи – хозяйки пансиона и хорошая книжка». И понимаю если бы такие вещи говорила какая-нибудь замухрышка-серая мышка, но нет, эти слова слетали с пухленьких губ периодически краснеющей от разговора со мной зеленоглазой блондинки спортивного телосложения от форм которой, пусть и скрытых в платьях, мне с трудом удавалось отвести глаза.

– Дженни! У меня к тебе есть серьёзный разговор! – обдумав сложившуюся ситуацию я продолжил беседу, слегка заглушаемую дождём, при этом стараясь придать своему голосу внушительности.

– Что угодно господину? – Дженни опять слегка покраснелась.

«Такая коров ... эээ ... служанка, нужна самому!» – думал я, правда не знаю каким местом, когда рассматривал эту очаровашку.

– Предлагаю тебе работу в качестве моей личной служанки. Будешь получать полгинеи в месяц, но жить мы будем в России, в Санкт-Петербурге. Если согласна, то я готов помочь твоему отцу рассчитаться с кредитом хоть прямо сейчас, – достав кошелёк я вытащил три гинеи – всю сумму долга её родителя.

– Это так неожиданно, мистер Айвен ... , – Дженни вконец стушеввалась, задумчиво опустив свой взгляд.

– Позвольте поинтересоваться, вы ведь из Америки, зачем вам эта Россия?

– Я русский американец, Дженни, вот и возвращаюсь на Родину, возможно навсегда ... но как там всё сложится неизвестно ...

– Русский американец? – Дженни напрочь позабыв про свою стеснительность подозрительно уставилась в мои глаза, – а как ваша фамилия, мистер Айвен?

– Головин. Айвен Головин.

И так большие глаза Джейнни ещё больше расширились.

– Вы писатель? В книжной лавке я видела в продаже книгу этого американского писателя, но не смогла купить ...

– Да, всё верно Дженни, но никому об этом не говори, – я обхватил её ручку, аккуратно согнул все пальцы, кроме одного, указательного и поднёс его к её приоткрывшемуся в удивлении роту.

– О мой Бог! Никогда бы не поверила, что буду стоять в дождь под одним деревом с американским писателем!

Отпустив её руку я лишь дружески улыбаясь развёл руки в стороны.

– Признаюсь, Дженни, я тоже не ожидал встретить под этим деревом такого милого и красивого создания.

Девушка снова смутилась, потупив взгляд.

– Ну так что ты мне ответишь, на моё предложение?

Дженни молча пару секунд всматривалась в мои глаза, потом повернула голову и смотрела вдаль сквозь льющиеся струи затихающего дождя, затем повернулась ко мне всем телом.

– Хорошо, мистер Айвен, я согласна.

Улыбнувшись, кивнул ей головой и снова поймал своей рукой её ладошку, разжал её и вложил все три монеты.

– Передашь родителям! Я ещё неделю пробуду в Лондоне, в этой гостинице – указав рукой на виднеющееся за аллеей здание и сообщил ей название этой гостиницы, – надеюсь, ты успеешь в срок и не подведёшь меня?

Девушку, несмотря на то, что я ей почему-то всецело доверял, всё-таки решил проверить на «вшивость», вручив огромную по её меркам сумму денег.

– Вы мне мистер Айвен отдаёте деньги просто так, без всяких расписок? – в очередной раз шокировал девушку своим поведением.

– Да, Дженни, я тебе почему-то верю, – я на несколько секунд задумался, – и вот ещё что, если передумаешь ехать со мной в Россию, то эти деньги можешь не возвращать, считай, что это мой тебе подарок.

Бедная Дженни забыла как дышать, а потом борясь со слёзами резко бросилась мне на шею, крепко стиснула, прошептав в ухо:

– Через пару дней я обязательно вернусь! – и быстрым шагом направилась прочь, позабыв о ещё не совсем закончившемся дожде, и летящих из-под туфель брызгах, оседающих на платье.

Новая служанка со всеми своими невеликими пожитками заявила в мой номер на исходе вторых суток и тут же принялась хлопотать по хозяйству. Ирландцев я поселил рядом с типографским оборудованием, поэтому нам никто не мешал. Дженни сбегала по моей просьбе на кухню, принесла чайник с печеньями. Налила в кружки чай, но садиться со мной за один стол наотрез отказывалась, при этом мило краснея. Я плюнул на скомканный вечер и в расстроенных чувствах направился в себе. Не успел я разоблачиться и развалиться в кровати, как скрипнула дверь и в мою спальню, двигаясь как кошка, пробирающаяся в собачью будку, осторожно и робея вошла Дженни, поинтересоваться, нужно ли ещё что-нибудь господину Айвану? И тут уж я не сплеховал, зачем она пришла и про что спрашивала не понял бы только полный идиот, а к таковым ущербным личностям я себя отнюдь не относил. Ночь прошла бурно! От кроткой Дженни в постели не осталась и следа! Прямо на моих глазах она превращалась в самую настоящую ненасытную «суккубу».

На следующий день, Дженни, вот это фокус, опять таинственным образом преобразилась в образцовую английскую служанку. Правда огонёк в глазах остался, да и наедине со мной она стала вести себя куда как более развязно, при этом ни на миг не забывая о своих профессиональных дневных обязанностях, впрочем и «ночные смены» она не прогуливала, спали мы с ней, к обоюдной радости сторон, вместе. В общем английской служанкой я был доволен на все сто десять процентов.

Наконец-таки наступил долгожданный день отплытия от берегов Туманного Альбиона. Поднявшись на палубу, раскланялся с молодым английским капитаном, моим ровестником. Он лично показал нам две небольшие каюты, где мы вместе с моими слугами и оборудованием будем располагаться до окончания плавания.

Примерно через пару часов под барабанный аккомпанемент мелкого дождика корабль стал сниматься с якоря. Вместе с внезапно затосковавшей Дженни и другими пассажирами мы вышли на палубу. Под треск такелажа и всхлопывания раздувшихся парусов, наш корабль шумно тронулся, резво пустившись сквозь ряды других кораблей. Матросы, а вслед и пассажиры снимали шляпы и начали ими махать, прощаясь с проплывающими мимо нас берегами Темзы. Лондон с его плотно застроенными кварталами сменили усадьбы и безбрежные

луга с пасущимися на них отарами овец, но и этот пейзаж мы лицезрели недолго, вскоре выйдя в открытое море. Берега Англии стали темнеть и медленно таять в туманной дымке, за бортом засвистел ветер, а наш корабль стали «облизывать» и раскачивать из стороны в сторону пенистые волны.

Глава 2

Май 1822 года

На исходе первая неделя морского путешествия в Старом Свете. Позади остались штормовые воды Северного моря и краткосрочный заход в Копенгаген, а впереди по курсу сейчас плескались водные глади весенней Балтики. Они выглядели, откровенно говоря, безрадостно: свинцового цвета море и небо сливались друг с другом, от воды поднимался туман, было сыро и прохладно, уныло шумели волны и гудел ветер. Но такая погода за бортом мне даже нравилась, по крайней мере, здесь и сейчас было намного спокойней, нежели в Северном море, где штормило и болтало корабль просто немилосердно. Это ненастье я переживал в своей каюте, валяясь в узкой постели, оббитой со всех сторон деревом. Со стороны это спальное место выглядело как раскрытый гроб, ну а я, с малость позеленевшим от качки лицом, соответственно, как его вполне законный обитатель.

Не знаю как меня примет Россия—мать, но плыть в обратном направлении через моря и Атлантический океан, особенно после всего перенесённого, даже чисто теоретически перестало входить в мои планы. По крайней мере, если мне откажут в ПМЖ или ещё каким способом вынудят покинуть империю, осяду на несколько лет где—нибудь в Европе, чтобы морально подготовиться к обратному турне в штаты.

На рассвете наш корабль бросил якорь у причалов острова Котлин. Перед Кронштадтской крепостью у гранитной набережной высился лес мачт торговых и даже военных парусников. Вскоре на борт английского судна поднялись таможенные смотрители вместе с полицмейстерами, сразу же по—хозяйски разместившись в кают—компании. Вначале чиновники больше часа «пытали» капитана судна, тщательно изучая судовой журнал, потом стали вызывать пассажиров. Меня вызвали в числе первых.

Долго беседовал с полицмейстером, облаченным в голубой мундир, восседающим напротив меня за столом.

— С какой целью вы прибыли в Российскую империю?

— Намерен и дальше посвятить себя писательскому труду. Также думаю, если мне представится такая возможность, заняться издательским бизнесом.

— Издательским бизнесом?

— Да, думаю начать издавать газету, журнал или печатать книги. В Америке я работал со многими газетами, журналами и издательствами, поэтому эта тема мне близка.

Полицмейстер поинтересовался написанными мною книгами. Все мои ответы чиновник перетолмачивал на свой канцелярский лад и диктовал их писарю. Писарь, скрепя пером, регулярно макая его в чернильницу, быстро строчил в своих бумагах. От этого зрелища непроизвольно сморщился. Пером при письме я практически не пользовался, предпочитая ему карандаши.

— Говорите ли вы сударь по—русски? — полицмейстер перешел на «великий и могучий» — Имеются ли у вас в столице или еще где в России родственники, друзья?

— У меня русские корни, мой дед помор из Архангельска покинул Российскую империю еще во времена царствования Екатерины Великой. Это все, что я о нем могу сказать, отца — уже гражданина САСШ я тоже плохо помню, потому, как рано осиротел. На севере России, возможно у меня и есть какие—то родственники, но я о них совершенно ничего не знаю. Русских друзей нет.

— Правильно ли я понимаю, что и рекомендательных писем от российских подданных у вас тоже нет?

— Совершенно верно.

- Сколько времени намереваетесь провести в России?
- Не знаю, как пойдут дела, возможно, что и навсегда здесь останусь.
- Есть ли у вас дипломатические поручения? Поручения от торговых компаний?
- Нет.
- Тайные цели?
- Нет.
- Вы посланы вашим правительством для изучения нашей страны?
- К американскому, прочим иностранным правительствам и властям никакого отношения не имею.
- Научные планы?
- Трудно сказать. Ставлю в свободное время кое-какие опыты в области химии, но пока никаких изобретений не добился.

Дело в том, что в последние пару лет я действительно занимался изучением доступных мне материалов по фотографическому делу и уже получил первые результаты. Светить их до поры до времени я не собирался, тайно ввезя в Россию химоборудование и реактивы, задекларированные как типографские.

Что касается практической стороны вопроса, то мне удалось получить так называемые «дагеротипы». Сам «фотоаппарат» представлял собой зачерненный изнутри ящик («камера обскура»). В передней его стенке было отверстие для получения более резкого изображения, в которое вставлялась линза, в заднюю часть вставлялся лист бумаги покрытой солями серебра. Эти две отдельные части ящика можно было раздвигать – и тогда линза удалялась от плоскости изображения, или сдвигать, приближая линзу к плоскости изображения. Тем самым производилась наводка на резкость. С точки зрения механики все было относительно просто, а вот с химическими реагентами пришлось повозиться, благо, что открытый Дагером процесс в мое время тайной не являлся. В соответствии с ним посеребренная пластинка подвергалась действию паров йода, после чего на зеркальной поверхности образовывалась пленка йодистого серебра. В результате засвечивания в камере обскуре в течение 3–4 часов на пластинке появлялось едва заметное изображение. При проявлении применялись пары ртути. Для фиксирования изображения Дагер сначала использовал горячий раствор поваренной соли, а затем перешел на тиосульфат натрия (применение тиосульфата для создания растворимой соли серебра открыл Гершель в 1819 г.). Дагеротипия позволяла получать высококачественные фотографические изображения. Когда дагеротипы рассматривали под определенным углом, они выглядели как позитивное изображение. Недостатком дагеротипов была невозможность их размножения. Также дагеротипия была неприменима и в полиграфической технологии, потому что для изготовления печатных форм нужны фотоформы – изображения на прозрачной основе.

– Ваши химические опыты связаны как-то с взрывчатыми веществами? Может быть они излишне пожароопасные? В чем их суть?

– Изучаю способность некоторых веществ, например, солей серебра, изменять свои свойства (цвет, растворимость и т.д.) под действием света в «камере обскура».

– Хм ... ладно, так и запишем ...

Допрос продолжался еще минут десять.

Мой американский паспорт у меня изъяли, взамен выдали карточку.

– По прибытию в столицу вам следует с этой карточкой в обязательном порядке явиться к Петербургскому обер-полицмейстеру в губернское правление.

– Хорошо.

Оспаривать бюрократические процедуры было бы бесполезно, оставалось лишь смиренно соглашаться. Следом за мной в куда более быстром темпе допросили моих слуг, и также изъяли их паспорта.

На следующий день, в Кронштадте, к борту нашего корабля причалила лодка с лоцманом, судно по указанному им курсу легло на ветер и уже к обеду, столпившиеся на палубе пассажиры, с любопытством рассматривали черепичные крыши зданий, протыкающие небо шпили, позолоченные купола и колокольни храмов русской столицы. Вдоль гранитной набережной медленно проплывали здание Биржи с великолепным портиком и монументальными маяками, белые колоннады образовательных учреждений, жилых особняков, казарм и дворцов. Некоторые известные мне здания и сооружения Северной Пальмиры еще только строились. Тот же Исаакиевский собор с Невы совсем не просматривался, ну так его и начали строить совсем недавно, только четыре года назад.

Наконец корабль добрался до Английской набережной и бросил якорь напротив здания таможни. Здесь мне пришлось долго общаться с сотрудниками Таможенной пограничной стражи, декларируя ввозимые в Россию грузы и выплачивая ввозные пошлины. Таможенники долго и придирчиво рассматривали багаж и груз, расспрашивали об оборудовании, листали книги и бумаги. Какой-то особой цензуры сейчас в России не было, а всех иностранцев априори не записывали в шпионы, эти веяния распространятся только при Николае Палкине.

Типографское оборудование оставил храниться на таможенном складе, а сам вместе с прислугой и ручным багажом вышел на улицу. У здания таможни дежурили извозчики. Наняли четырёхместный экипаж и покатали в местную гостиницу, по пути созерцая архитектурные красоты русской столицы.

Ночь в гостинице прошла кошмарно, донимали клопы. Злой и не выспавшейся послал Стаха с Ником в ближайшую аптеку за покупкой скипидара или уксуса, приказав Дженни по возвращении ирландцев обработать ими наши комнаты. А сам, облачившись в английский редингот (riding-coat – костюм для верховой езды), наняв дежуривший у гостиницы экипаж, отправился на прием к обер-полицмейстеру Гладкову.

Путешествуя на дрожках, чем-то неуловимо напоминающих мне азиатские велорикши, созерцал в пути не столько красоты Петербурга, сколько спину извозчика, заодно вдыхая источаемые ароматы трусившего впереди коня. Хотя, честно говоря, было не до красот. Неимоверно огромная и полноводная Нева, смотрящаяся особенно грозно на фоне низких своих берегов, навевала на меня какое-то чувство тревоги, особенно актуального на фоне недавнего моего морского путешествия.

Миновав по каменному мосту Екатерининский канал, экипаж выехал на Садовую улицу, прямо к Управе благочиния. Соскакивая с дрожек, сунул в руку извозчика ассигнацию, на что услышал обиженное «Маловато будет ...». Еще на выходе, проходя ресепшен гостиницы, я узнал примерный диапазон цен на услуги извозчиков, а потому переплачивать не собирался.

– В следующий раз о цене проезда сразу договаривайся, чтоб маловато не было! – кучер вступать в дискуссию не стал, а лишь обиженно запыхтел, поправляя рукой свою чуть съехавшую на бок во время скачки суконную шапку расширяющуюся кверху тульей.

У флигелька, над которым красовалась табличка с соответствующей надписью местного «ОВД», гревшись на майском солнышке, дежурил полицейский, сразу же проявивший служебное рвение, поинтересовавшись моей личностью и целью визита. Выслушав мои ответы, он препроводил меня в здание, «передав с рук на руки» своему коллеге.

Лично принять посетителя Гладков не смог, так как генерал-лейтенант личностью оказался крайне занятой, будучи председателем «Попечительного совета о тюрьмах» в данный момент он инспектировал своих подопечных в одном из столичных острогов. Общался со мной нижний полицейский чин, будучи экипированным в уже знакомый мне по Кронштадту голубой мундир.

И разговаривали мы с ним примерно о том, о чем и в вышеупомянутом Кронштадте. Уточнить что-то у американцев относительно моей личности у здешних полицейских вряд ли

получится, потому как до 1830-х гг. американских послов в России попросту не было. Первым настоящим «полномочным министром» САСШ в Санкт-Петербурге был Джон Куинси Адамс, который представил свои верительные грамоты царю Александру I 5 ноября 1809 года. Министр Адамс прослужил почти пять лет в Санкт-Петербурге во время наполеоновских войн, после чего безвозвратно покинул Россию, а нового «министра» на смену американцы полтора десятка лет не присылали.

Штатовский паспорт мне так и не вернули, он остался на хранении в жандармерии, зато на мое имя, а также на моих слуг были выписаны «билеты». Изготовлены они были на гербовой бумаге, поэтому пришлось раскошелиться на два рубля.

Что касается разрешения на открытие собственной типографии, то в Управе меня обломили, «отфутболив» аж к самому петербургскому генерал-губернатору Милорадовичу!

На выходе из Управы свободных извозчиков не оказалось. Рядом были припаркованы лишь фельдъегерские экипажи, да пара верховых офицеров что-то, посмеиваясь, весело обсуждали, жестикулируя руками, да подкручивая усы.

Прошелся пешком до Английского проспекта, наняв очередного извозчика заехал в свою гостиницу, где англо-ирландцы вели химическую войну с клопами. В номере, в качестве образцов, я захватил американские газеты с моими рубриками, а также полный комплект всех своих изданных книг. На первом этаже гостиницы пообедал на скорую руку и направился в центр, к Адмиралтейству, на одноименный проспект, где дислоцировалось столичное градоначальство.

Пока экипаж трясся по выбоинам петербургской мостовой я с любопытством рассматривал свои новые российские документы. «... прибыл в Российскую империю в 1822 году 3 мая ... Билет обер-полицмейстера ... Дан на свободное пребывание в Петербургской губернии по 3 мая будущего 1823 года американскому подданному писателю Ивану Михайловичу Головину, ... данному с тем, что по исполнению срока обязан он представить сей билет лично к возобновлению, в противном же случае подвергнется законному взысканию, на случай же выезда из губернии в другие Российские города или за границу должен явиться для получения установленного на выезд вида.

Приметы:

лета 30

рост высокий

волосы, брови темно-русые

глаза серые

нос, рот умеренные

подбородок, лицо вытянутые.

С подлинным верно ...»

Да-с, почесал я свой темно-русый затылок, по России-матушке с таким документом особо не поездишь! Ну, да, ничего. Хорошо, что хоть меня ограничили Петербургской губернией, а не каким-нибудь Екатеринославом ... Жить можно!..

Как я и подозревал, встретиться сегодня с генерал-губернатором не получилось. Да, что там с Милорадовичем, с трудом удалось попасть даже в его канцелярию! В очереди отстоял три часа, зато потом вниманием со стороны Федора Николаевича Глинки – правителя этой самой канцелярии при Санкт-Петербургском генерал-губернаторе я оказался вовсе даже не обделен, найдя в его лице то ли почитателя моего таланта, то ли друга – сразу не поймешь. Исходя из моих далеко идущих планов, появление этой заинтересованности ко мне со стороны Глинки было особенно важно и актуально.

Дело заключалось в том, что Федор Николаевич, будучи боевым офицером, полковником, орденоносцем, состоявшим в адъютантах при генерале Милорадовиче еще с 1805 года, не только интересовался литературой в практическом плане, описывая в «Письмах русского офицера» военные действия и бои против Франции (эти военные записки и принесли Глинке

литературную известность), а также являлся председателем «Вольного общества любителей российской словесности», членами которого были целый ряд будущих декабристов, но и сам Глинка, что особенно важно, участвовал в деятельности декабристского «Союза спасения», затем вместе с М.Ф. Орловым и А.Н. Муравьевым основал «Союз благоденствия», входил в Коренную его управу, активно участвовал в деятельности «Северного общества». Это был первый декабрист, и далеко не из последних по своей значимости, с которым я здесь столкнулся лицом к лицу!

О политике с Федором, с которым мы почти сразу «перешли на ты» не обмолвились ни словом, что, в общем-то, и понятно, зато вдоволь поговорили о моей литературной деятельности. Глинка, оказывается, прочитал большую часть моих вышедших в печать книг, ну, а те, что он не сумел найти в Петербурге, я ему подарил, благо с собой они у меня имелись. Идею типографии для печатания еженедельной газеты с ребусами и отрывками переводов на русский язык моих ранее напечатанных и новых книг он горячо поддержал, что и неудивительно, от страстного литератора странно было бы ожидать иной реакции. Расстались мы на том, что Глинка клятвенно заверил меня, что будет лично ходатайствовать перед Милорадовичем в пользу открытия типографии, взял мои книги и образцы газет с тем, чтобы продемонстрировать их генерал-губернатору и пообещал мне устроить с Милорадовичем аудиенцию в самые кратчайшие сроки.

Ну и еще в свое «Вольное общество» Глинка зазывал и расписывал его, прям как «восьмое чудо света». Но в гости туда я совсем не спешил, скорее наоборот. Публика на тех литературных посиделках собиралась слишком уж специфическая, что называется «масон на масоне сидит и декабристом погоняет». Рано мне пока обзаводиться компрометирующими связями, сначала надо укрепить на берегах Невы свои позиции во всех смыслах этого слова, попытаться встроиться в здешнее общество. Измазаться с головы до ног в дурно пахнущие субстанции, с точки зрения нынешнего поколения властепредержащих, я, надеюсь, еще успею.

Не прошло и двух дней, как я снова оказался на Адмиралтейском проспекте, но на сей раз не один. Перед тем как войти в кабинет петербургского генерал-губернатора Глинка полупшепотом наставлял меня, склонившись к моему уху.

— Имею честь знать его высокопревосходительство очень давно, уже лет семнадцать. Михаил Андреевич, помимо всем известных военных заслуг на ниве служения Отечеству, является еще и страстным театралом! Да-да! В прошлом году он возглавил Комитет для составления нового проекта об управлении театрами. Не чужд он и литературы с поэзией.

Я вопросительно изогнул бровь.

— Так вот слушай, Ваня, скажу тебе по секрету, два года назад Михаил Андреевич лично допрашивал небезызвестного тебе Пушкина Александра Сергеевича по поводу его антиправительственных стихов и фактически спас его от ссылки в Соловецкий монастырь или Сибирь ...

До конца дослушать Глинку не успел. Из кабинета Милорадовича вышел офицер-кавалерист, держа в руке письмо с печатями.

— Пошли, Ваня, — Глинка ободряюще слегка постучал мне по спине.

Милорадович предстал передо мной в блестящем генеральском мундире с крестами на шее и звездами на груди. Михаил Андреевич, по линии отца происходил из сербского дворянского рода, роста был среднего, с довольно большим носом; русые волосы, в беспорядке взъерошенные на голове по здешней моде, оттеняли слегка подчеркнутое морщинами продолговатое лицо.

При нашем с Глинкой появлении генерал-губернатор и член Государственного совета сидел за столом и, не спеша раскуривая трубку, изучал содержимое каких-то бумаг.

— Ваше высокопревосходительство, — я склонил голову, — имею честь откомендоваться

...

Милорадович довольно бодро вскочил с кресла:

– Действительно, русский, а я, прочтя принесенные Федором Николаевичем американские книги и кроссворды, что-то даже усомнился в душевном здоровье своего старого боевого товарища, – Милорадович громко рассмеялся.

– Ступай Федор Николаевич, – обратился он к Глинке, – я с нашим американским гостем пообщаюсь tet-a-tet.

Глинка себя ждать не заставил, сразу же вышел, прикрыв за собой дверь.

– Ваше высокопревосходительство ...

– Бросьте вы, милостивый государь, Иван Михайлович – Милорадович подошел ко мне вплотную и глядя мне в глаза чуть задрал голову, – поговорим по-простому, без чинов?

– В неофициальной обстановке, так сказать?..

– Интересные у вас англицизмы, молодой человек, никогда не слышал, но по существу сказано, верно. Если вас не затруднит, то не тушуйтесь, обращайтесь ко мне Михаил Андреевич. Я еще окончательно из боевого генерала в паркетного шаркуна не превратился.

Милорадович опять заразительно рассмеялся, видать настроение у генерала было хорошее.

Вышел я из апартаментов генерал-губернатора весьма довольный сложившимся между нами разговором. Милорадовича интересовал в первую очередь вопрос содержания планируемой газеты, а именно, буду ли я печатать в ней статьи и заметки политического характера. Такую возможность я категорически отверг, заявив, что моя газета будет носить исключительно развлекательный характер, как и планируемые к печати книги. Наглядный пример у Милорадовича был перед глазами – мои рубрики в американских газетах, как и вышедшие книги политики вообще не касались никаким боком.

Мое прошение на открытие типографии генерал обещался удовлетворить в самое ближайшее время в письменном виде, а Глинка, с которым я пересекся сразу после разговора с Милорадовичем, с готовностью пообещался мне помочь подыскать вариант с недвижимостью, которое могло бы совмещать две функции в одном – и жилые комнаты и типографию.

При посредничестве Глинки, с кем я так удачно свел знакомство, по долгу службы хорошо знавшим, где и у кого можно узнать интересующую меня информацию риэлтерского характера, мне уже через полторы недели удастся приобрести в собственность недвижимость на Васильевском острове, по 16-й линии.

По мне, так это место очень даже удобное – недалеко от центра – той же Стрелки и Невского проспекта. Да и сам Васильевский остров непохож на остальной каменный Петербург, здесь преобладают сады и бульвары, особенно великолепные летом. Району не присуща излишняя столичная помпезность, так как, как ни крути, но сейчас 16-ая линия являлась окраиной столицы. Чем дальше мы углублялись по Большому проспекту от Первой линии, тем все тише и спокойнее становилось вокруг. За кустами и деревьями садовых аллей скрывались все более мельчающие дома. За 7-й линией появляются уже деревянные мостки вместо плитных тротуаров. За 12-й линией на глаза попадались только извозчичьи дрожки, да изредка пешеходы. Линии Васильевского острова имели протяженность до 2-х км, поэтому в глубине восточной части острова помимо жилой застройки было полным-полно, выражаясь современным языком, коммерческой недвижимости на любой вкус. В основном это были доходные дома, торговые лавки, трактиры, закусочные, всевозможные цирюльни, прачечные и тому подобные заведения, размещавшиеся на первых этажах зданий, часто встречались мастерские и иногда даже взгляд цепляли редкие учебные заведения с больницами.

Сразу за 18-й линией начиналось обширное Смоленское поле с лесом и кладбищем, на юго-западной оконечности острова переходящее в сады и огороды. С запада оно упиралось в

Галерную гавань и селение при ней, к северу же от Смоленского поля лежал практически необжитой остров Голодай, соединенный с Васильевским островом через реку Смоленку двумя балочными мостами. Позднее остров Голодай будет переименован, вот ирония, в остров Декабристов. С юга, вдоль набережной Большой Невы вытянулись казармы Финляндского полка и здания кадетских корпусов – Горного и Морского.

Дом мне достался весьма богатый для своего квартала – отштукатуренная «под камень» деревянная двухэтажка. Бывший домовладелец, переезжающий на новое местожительство в Москву, по примеру своих успешных соседей-бизнесменов планировал свое жилье со временем превратить в местную гостиницу – доходный дом, достроив еще три жилых корпуса так, чтобы образовался «двор-колодец». Поэтому, вместе с домом в довесок купил вполне приличный земельный участок вокруг него. Лишние финансовые растраты, пущенные на приобретение дорогой столичной земельной недвижимости, меня совсем не огорчили, даже наоборот, порадовали, во всяком случае, в плане бизнеса, будет куда расти. Но во всей этой патоке присутствовала не слабая такая ложка дегтя – через пару лет как минимум первый этаж дома уйдет под воду во время будущего наводнения. Поэтому, до ноябрьского наводнения 24-го года никаким масштабным переустройством и строительством здесь я заниматься не собирался. Имеющихся размеров для моей скромной типографии пока достаточно.

Рядом со мной стояла Дженни, а чуть поодаль с какой-то непередаваемой игрой торжественных, но в то же время, мрачных, уморенных жизнью физиономий застыло немногочисленное семейство Окуловых – вольнонаемных слуг, доставшихся мне «по наследству» от старых хозяев. Это были муж с женой, проживающие прямо в доме, точнее говоря в подвале. Муж – Осип, мужчина лет под пятьдесят, специализировался в качестве дворника/истопника/кучера, жена – Мария, занималась в доме традиционной для женщин работой – готовка/стирка/уборка. Семейство Окуловых из всех своих потомков сохранило только девятилетнюю внучку Юльку, остальные же отпрыски – кто погиб, кто пропал, большинство же умерло по младости лет из-за болезней различного происхождения, на которые так богат петербургский климат, особенно вкупе с местными антисанитарными условиями.

Но первыми в новый дом запустил котёв ... э-э-э ... Ника и Стаха. Тщательно пряча ухмылку, я наблюдал как ирландцы, войдя в переднюю, перекрестились на освещаемую горячей лампадкой старую, выцветшую икону.

Со стороны не раздался, а скорее проскрипел ржавой дверной петлей, недовольный комментарий от Осипа:

– И склониться пред Сыном Божиим не грех, не переломаетесь! Ироды! – после чего продемонстрировал, как нужно креститься. Ирландцы повторили, да и я вслед за ними тоже.

Дженни на все это действие взирала с явным неудовольствием. Ну, еще бы, у английских пуритан «идолопоклонничество» не в чести. Окрестить ее в православный обряд я даже и не пытался, да и жениться тоже, хотя она в последние дни что-то часто ходила прополаскивать желудок.

Перед покупкой дом и хозяйстройки, естественно, были мною осмотрены, а потому надолго задерживаться здесь не стал. Женщин оставили хлопотать по хозяйству, а я вместе с мужиками до конца дня был занят переездом. Из гостиницы на телегах с ломовыми лошадьми перевезли оставшиеся вещи и оборудование.

Перед ужином мужская половина дома совместно посетила баню, заранее протопленную Осипом. Парились в ней и отмывались больше часа. Перекусив перед сном, все разбрелись по своим углам: мы с Дженни поднялись на второй этаж, ирландцы остались на первом, а Окуловы спустились вниз на цокольный этаж. Завалились спать уже глубоко за полночь и продрыхли «без задних ног» почти до полудня.

Собственная недвижимость на Васильевском острове по задумке одновременно будет служить мне не только жилым помещением, но и коммерческим – первый этаж дома и часть хозпостроек я был намерен превратить в типографию/издательство. Подобная практика по оборудованию «вольных» т.е. частных типографий в жилых домах в России процветала уже не первое десятилетие, поэтому, с точки зрения хронообывателей, ничего странного, экстравагантного или необычного в подобном решении вопроса не было.

Проблем с покупкой бумаги не возникло. В России на данный момент было больше сотни бумагоделательных фабрик, но везде, кроме Императорской бумажной фабрики в Петергофе, бумага производилась ручным полистным черпанием из чана с бумажной массой. Правда, в результате машинного производства (отлива) петергофская бумага стоила дороже бумаги ручной выделки, без коррупции здесь, видать, не обошлось. Ну, да, ничего страшного, бумагу я заказал не только в Петергофе, но и в других местах – в Ропше и непосредственно в самом Петербурге. Заодно объездил все эти предприятия, попутно знакомясь с местным инженерно-техническим персоналом и оборудованием. Ведь мне для типографии тоже нужно было дополнительно кое-чего заказать на местных заводах. Да и рабочих нанять тоже требовалось.

Недостающую литографскую технику, а также шрифты удалось закупить в «Экспедиции заготовления государственных бумаг» – недавно построенной под руководством инженера А.А. Бетанкура типографии и бумажной фабрики на набережной реки Фонтанки.

Там же, в «Экспедиции», где я намеривался прикупить литографский камень, который сама «Экспедиция» закупает из германских каменоломен, случилось одно знаменательное событие. Нежданно–негаданно, мне удалось познакомиться с одним выдающимся русским изобретателем – бароном Павлом Львовичем Шиллингом. Русский он, конечно, относительно гражданства, а так он родом из балтийских немцев. Но это все не стоящая упоминания ерунда, известен мне Шиллинг был, прежде всего, как изобретатель ... пам–парам ... телеграфа!

Откуда я узнал про Шиллинга и о многих других известных людях этой эпохи, думаю, понятно. Все последние девять лет своей жизни в свободное время я эпизодически занимался тем, что систематизировал всю доступную в смартфоне информацию о деятелях нынешнего времени, событиях, научных и производственных открытиях и так далее. А потому Шиллинг, как первоизобретатель телеграфа, просто не мог во время этих изысканий не попасться мне на глаза. Но самое удивительное и приятное заключалось в том, что я-то планировал в ближайшее время найти Шиллинга и попытаться наладить с ним контакты и деловые отношения, но тут он сам по себе всплывает на моем горизонте! Не иначе как судьба ...

Но, обо всем по порядку. Экспедицию заготовления государственных бумаг и Государственный ассигнационный банк возглавлял князь и тайный советник Хованский Александр Николаевич.

Ожидание в приемной управляющего продлилось не долго. Через не плотно прикрытую дверь я расслышал, как местный секретарь представлял меня своему шефу.

– Ваше сиятельство, к вам изволил пожаловать проситель ...

– Пускай обождет, мы с Павлом Львовичем ещё не закончили ...

Секретарь понизил громкость, почти зашептал:

– Это Головин Иван Михайлович

– Знакомое имя, – после секундной заминки вновь раздался голос Хованского.

– Уж не американский ли это писатель? – послышался приятный баритон, вероятно того самого, некоего Павла Львовича,

– Так точно-с, он самый.

– О-о!.. Немедля зови его сюда! Действительно, слышал про него от своего зятя Юрия Александровича. Зятюшка мой, как ты Павел Львович наверняка знаешь, не столько сенатствует, сколько находится в расположении вдовствующей императрицы Марии Федоровны в качестве секретаря. А там, в этом бабском царстве ...

Заслышав быстро приближающиеся шаги клерка, дабы самого себя не скомпрометировать подслушиванием, я отпрянул подальше от двери, придав своему лицу расслабленный, даже скучающий вид.

– Его сиятельство князь Александр Николаевич Хованский, и гость князя, его превосходительство барон Павел Львович Шиллинг соблаговолили вас принять, милости просим ... – секретарь нараспашку раскрыл дверь, и, дождавшись пока я войду, плотно её прикрыл.

Не успел я толком осмотреться, как моя рука была заключена в крепкое рукопожатие.

– Приятно познакомиться, Иван Михайлович. Позвольте засвидетельствовать вам и вашему великолепному литературному творчеству моё глубочайшее почтение!

Передо мной во всей красе предстал Шиллинг Павел Львович – человек небольшого роста и необыкновенной толщины, весьма походил на собственные книжные изображения. Он скромно представился как востоковед, литограф, открывший первую в России литографскую мастерскую при Коллегии иностранных дел, приспособив её для нужд картографии. Сообщил также о том, что знаком и даже дружен с Пушкиным А.С.

Шиллинг продолжал свой рассказ, а я размышлял, стоит ли иметь дело, общее дело, с этим человеком. Продолжало меня смущать то обстоятельство, что Шиллинг, будучи с русскими войсками в Париже вступил в масонскую ложу, затем, до 1816 года, был членом петербургской ложи «Петра к истине». Хотя с другой стороны, сейчас масонов хватает не только среди ученых, но и офицеров – будущих декабристов. С этой многочисленной братией разобратся быстро и просто не получится даже монархам, а мне, в моем нынешнем положении, наверное, остается лишь молча принимать существующие правила игры.

К тому же, насколько мне было известно, создание литографии для МИДа было лишь внешней частью работы Шиллинга. Кроме этого, он параллельно трудился в так называемой «Секретной экспедиции цифирной части» – в отделе шифрования МИДа, где разрабатывал механическое устройство (наборно-разборную таблицу, наклеенную на коленкор) для биграммного шифрования. По сложному алгоритму двузначные буквенные сочетания составляющие лексикон (цифирь) биграммного шифра, шифруются кодовым обозначением из двух-, трёх- или четырёхзначных чисел, взятые по два раза каждое для переменной передачи буквенных биграмм то одним, то другим числом. Плюс к этому, в биграммное шифрование Шиллинг еще и ввел отдельные нововведения вроде «пустышек» и дополнение текста хаотическим набором знаком. Подобными шрифтами российские дипломаты и военные пользовались вплоть до начала Второй Мировой войны.

Потом весьма кратко, парой предложений, отрекомендовался и Хованский. В конце собственной самопрезентации князь снова вспомнил про своего зятя Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого, который оказался примечателен тем, что являлся известным при дворе поэтом-стихотворцем, сенатором, неотлучно находящимся при Особе Императрицы Марии Федоровне.

В ходе этого неспешного разговора мне удалось перевести стрелки с окололитературных тем на более приземленные и важные для меня предметы, вызвав у обоих – и Шиллинга, и Хованского профессиональный интерес. Дело в том, что в России еще не были знакомы с недавно открытой Зенефельдером металлографией, где вместо известнякового камня используются металлические формы. Далее такие печатные формы можно легко усовершенствовать с помощью гальванопластики и гальваностегии. Эти направления электрохимии, в процессе которых с помощью электрического тока становится возможным получать точные копии рельефных изображений, а также покрывать изделия тонким слоем металла, пока что не были развиты нигде в мире. Ведь основы гальванопластики и гальваностегии были заложены Б.С. Якоби в конце 30-х годов текущего века.

Поэтому, стоило лишь мне заговорить о металлографии и прикладной электрохимии, как в лице, по крайней мере, Шиллинга я обрел преданного сподвижника. Ну, а уж когда речь с

темы технической начинки моего будущего издательства опять вывернула на электрохимию, а с нового химического источника тока плавно перетекла к экспериментам Шиллинга по созданию телеграфа, как я в очередной раз сумел удивить Хованского, а Павла Львовича, так и вообще, казалось, поразил в самое сердце.

– Я ведь, Иван Михайлович, – оживленно говорил Шиллинг, периодически поглядывая на нарисованную мной схему-набросок «элемента Даниеля» (усовершенствованного в 1836 году английским химиком Джоном Даниелем «вольтового столба», путем помещения цинкового и медного электрода в раствор серной кислоты), который Шиллинг обещал попробовать испытать в качестве источника питания на своих телеграфах вместо классического «вольтового столба», – еще двенадцать лет назад, будучи в немецких землях по дипломатическим делам, посещал так называемый «Museum» – место встречи членов Мюнхенской Академии наук, и там принял непосредственное участие в опытах анатома Земмеринга над «электролитическим телеграфом».

Из дальнейших слов «русского Калиостро» выходило, что он сейчас трудится над устройством стрелочного телеграфа, по ходу дела пытаюсь разрешить возникающие у него технические проблемы.

– ... одним из главных нерешенных вопросов для передачи электрических сигналов на расстоянии, – говорил Павел Львович, наконец, прекративший разглядывать мой рисунок и снявший с носа пенсне, – остается ее исключительная дороговизна. Дальше опытных приборов никто, ни у нас, ни в Европе, не может сдвинуться ни на шаг.

– Простите, Павел Львович, о чем это вы сейчас?

– Я говорю, Иван Михайлович, о длине проводов. Каждая буква или знак требует отдельного провода, и в ходе несложных расчетов получается, что на версту электромагнитического телеграфа потребно три десятка верст медных проводов!

Большинство изобретателей электромагнитного телеграфа, включая А. М. Ампера, первым подавшего идею о его устройстве, было убеждено в целесообразности именно побуквенной передачи сообщений электрическими сигналами. Однако при этом они считали, что для передачи каждой буквы или цифры необходим отдельный провод, отдельный мультипликатор со стрелкой и отдельная клавиша. Это было распространенным заблуждением, бытовавшим среди ученых-физиков в это время.

– Не вижу здесь вообще никаких проблем! – самоуверенно заявил я.

Технически непреодолимых проблем сейчас не существовало. Вслед за опытом Эрстеда, проведенным в 1820 году и доказавшим воздействие электрического тока на магнит, был создан и усовершенствован мультипликатор. У Шиллинга имелись все необходимые компоненты для устройства электромагнитного телеграфа: источники питания, изолированные провода мультипликаторы, электромагнитный индикатор (был изобретён Анри Ампером в 1821 г.), как аstaticкая стрелка (состоящая из двух соосно закреплённых магнитных стрелок, ориентированных в противоположных направлениях). По большому счету, для практического применения телеграфа изобретателям не хватало лишь самой малости – «языка знаков», то есть телеграфного кода.

– Для электрических сигналов необходимо разработать специальную таблицу кодов – телеграфную азбуку, по которой оператор приёмного телеграфного аппарата сможет легко расшифровать стрелочную индикацию передаваемых по электрическим проводам сигналов, переводя их в буквы.

Хованский из моего ответа ничего не понял, а вот Шиллинг так и застыл сидячей статуей с чуть приоткрытым ртом, не подавая признаков жизни. К нам он «вернулся» только через минуту, и то, по вине Хованского, который, не на шутку испугавшись за своего приятеля, вскочил и принялся его тормозить.

– Да отстаньте вы от меня Александр Николаевич, все в порядке! – отмахнулся Шиллинг от излишней опеки Хованского, – дайте же мне спокойно подумать!

Говорят, что Шиллинг любил развлекаться, играя в шахматы сразу несколько партий, при этом не глядя на доски и всегда выигрывая, чем неизменно шокировал петербургскую общественность. Вот и сейчас он, похоже, прокручивал в своей голове устройство описанного мною прибора, размышляя над подачей и приемом сигналов, что, я думаю, доставляло ему истинное удовольствие.

Павел Львович отмер минут через пять, да не просто так, а вскочивши с места и принявшись меня обнимать, крича на ухо:

– Должно получиться! – похлопывая спину Шиллинга, я попытался аккуратно вывернуться из его медвежьих объятий. – Вы гений, Иван Михайлович!

– Ну, что вы такое говорите, Павел Львович, ничего сложного в этом нету, вы бы и сами могли запросто до такого додуматься!

– Кто бы мог подумать! Действительно, ничего сложного, но все изобретатели ломают над этим головы. И я – не криптограф, а дурак ...

При слове «криптограф» Хованский многозначительно и громко прочистил горло, как бы призывая Шиллинга не разглашать постороннему лицу государственные секреты

– Да бросьте вы, Александр Николаевич, секретничать! Благодаря Ивану Михайловичу Россия может первой получить в свои руки величайшее достижение!

– Что-то я, Павел Львович, не разумею, как Иван Михайлович разрешил вашу многолетнюю возню с этим самым телеграфом? – поправив мундир, Хованский присел обратно в кресло, всем своим невозмутимым видом призывая Шиллинга успокоиться.

– Все гениальное – просто, Александр Николаевич! На своем приборе передачу сигналов я смогу осуществить всего восемью проводами, используя разные сочетания восьми черных и белых клавиш. А на другом конце двустрелочный приемный аппарат будет отображать переданные ему сигналы расположением стрелок относительно черно-белого диска, которые оператор сможет переводить в буквы и цифры!

Про двоичный код и азбуку Морзе я решил пока промолчать, выдавать все сразу выглядело бы слишком подозрительно.

– Ну, это пока все разговоры. Как оно выйдет на самом деле еще не известно, – со скепсисом сказал Хованский.

– Все должно получиться, в теории я никаких особых проблем не вижу. Поэтому, Иван Михайлович в любое время дня и ночи жду вас в гости к себе домой. И имейте в виду, что я вас везде и всюду буду упоминать как соавтора этого открытия.

– Спасибо, конечно, Павел Львович, но моя роль здесь ничтожна. Просто требовался не замысленный взгляд со стороны на эту телеграфную проблему, вот и все. Но, если мы с вами договоримся на паритетных началах основать телеграфную компанию, то я вам мог бы помочь советами в аппаратной части и разработать телеграфную азбуку.

– Принципиальных возражений не имею, но, если вы не против, эти вопросы лучше давайте обсудим, после того, как первый действующий образец будет «доведен до ума» и представлен на суд публики.

– Возражений не имею.

– В следующую субботу, Иван Михайлович, жду вас в гости. Думаю, к этому времени аппараты для демонстрации в моем рабочем кабинете будут готовы.

– Но я тогда, с вашего позволения Павел Львович, приду к вам не с пустыми руками, а попытаюсь успеть сочинить телеграфную азбуку. – А про себя подумал «Прости, товарищ Морзе!»

Перед тем как расстаться Хованский тоже успел меня вместе с Павлом Львовичем позвать к себе в гости, в ближайшее воскресенье, сразу на следующий день после планируемой встречи

с Шиллингом. Ну, что сказать? Колесики истории закрутились, понемногу разгоняясь, правя куда-то в новое, доселе неизвестное мне направление ...

Глава 3

Июнь 1822 года

Свой рабочий кабинет-лабораторию Павел Львович отчего-то называл «китайской комнатой», хотя востоковедческой литературы я там не заметил: все полки и рабочие поверхности были заставлены разнообразной посудой и прочими приборами необходимыми для опытов с электрохимией и электричеством. Шиллинг был холост, поэтому в целом и сама его квартира, заставленная не пойми чем, но с явным превалированием книжных россыпей и различных трактатов, мало походила на жилое помещение.

– Вот, Иван Михайлович, посмотрите, как работает мой аппарат. Это шесть электромагнитных индикаторов, каждый из которых управляется отдельной парой проводов (шесть сигнальных, один вызывной и один общий – итого восемь проводов). – «Пионер электросвязи» торкал своим пальцем по кнопкам. – Вот это пара вызывных и пара общих клавиш. Каждая пара соединена с приемным аппаратом одним проводом. Провода основных и вызывной клавиш на приемном аппарате подключены к обмоткам соответствующих мультипликаторов, другие концы которых соединяются с общим обратным проводом. Клавиши каждой пары внешне различаются цветом. При нажатии основной или вызывной клавиши одного цвета линейный провод подключается к одному полюсу батареи, а при нажатии клавиши другого цвета – к другому. Общая пара клавиш включена в схему таким образом, что нажатие клавиши общей пары того же цвета, что и цвет основной или вызывной клавиши, всегда подключает общий линейный провод к противоположному полюсу батареи. Для того чтобы послать ток одного направления через определенный мультипликатор, необходимо одновременно нажать соответствующую основную и общую клавиши, причем обе они должны быть одного цвета. Основная часть мультипликатора – это небольшая катушка изолированного провода, внутри которой подвешена на тонкой шелковой нити магнитная стрелка. Повыше первой стрелки на той же нити подвешена другая такая же стрелка. К нити прикреплен небольшой диск. Одна сторона диска, как вы видите, окрашена в черную краску, другая – в белую. В зависимости от направления тока в соответствующей паре, диск индикатора поворачивается к оператору черной или белой стороной. Такая конструкция позволяет одновременно индуцировать комбинацию, обозначающую любую из двух в шестой степени кодовых единиц, то есть всего 64 знака, что с избытком хватит для обозначения всех букв, цифр и специальных знаков.

Телеграфная азбука, составленная Шиллингом, оказалась «очень проста». Так, например, букве «А» соответствовала белая сторона диска первого мультипликатора. На передающей станции для передачи этой буквы он нажимал белую клавишу первого мультипликатора и, как при всех передачах, клавишу восьмого обратного провода. Буква «Б» обозначалась черной стороной диска первого мультипликатора. Для передачи ее нажималась черная клавиша первого мультипликатора и клавиша обратного провода. Букве «В» соответствовала белая сторона диска второго мультипликатора, а букве «Г» – черная сторона диска этого мультипликатора и т. д. Таким путем составлялась целая азбука (28 букв и 10 цифр).

Электротехнический опыт, поставленный Шиллингом прямо на моих глазах, удался. Все бы хорошо, однако такая связь экономически была излишне расточительна – телеграфные аппараты соединялись друг с другом восемью проводами!!! Да и зачем вообще нужны эти извращения, если все можно сделать намного проще и дешевле?!

– Ваше превосходительство, ваш аппарат действует – это хорошо, но на таком аппарате простым телеграфистам будет работать крайне неудобно.

– Для вас я, Иван Михайлович, во внеслужебной обстановке только Павел Львович, не забывайте, прошу вас. Но это-то ладно, я что-то не понял вашу мысль, поясните, пожалуйста.

– Телеграфисты, работающие на прием, могут банально просмотреть сигналы или не успеть их записать. Приемный телеграфный аппарат должен уметь самостоятельно, графически регистрировать сигналы, то есть, попросту говоря, записывать на бумаге поступающие в приемник сигналы.

– Интересно ... И как вы это себе представляете?

– Да так, собственно говоря, и представляю. В приемный аппарат должна вставляться длинная бумажная лента, на которой бы фиксировались длинные и короткие импульсы в виде коротких (точек) и длинных (тире) черточек.

– Хм ... продолжайте, пожалуйста, – Шиллинг, углубившись куда-то в себя, сосредоточено потирал подбородок.

– Ну, вот, для примера, как и обещал, я принес вам свою телеграфную азбуку, которая для таких «самоотмечающих» телеграфных аппаратов подходит идеально. Скажем, в этой азбуке буква «а» обозначается как «точка–тире», «б» – как «тире–точка–точка–точка» ну и так далее для всех букв. Здесь, прошу заметить, используется только двоичный код, только «точки» и «тире».

– С вашим бинарным кодом при передаче сигналов будет достаточно всего одной парой проводов! – воскликнул Шиллинг. – И можно будет обойтись одноиндикаторной системой с последовательной передачей символов!

– Не без этого. Выигрыш в количестве проводников и в упрощении прокладки самой линии будет огромен! Поэтому, я и предлагаю вам модернизировать ваш аппарат.

– Конечно, я не против! А как конкретно вы представляете себе эту модернизацию?

– К якорю электромагнита нужно прикрепить пишущий рычаг, на конце которого поместить пишущее колесико, опущенное в небольшую ванночку с краской. Передатчиком послужит телеграфный ключ. При нажатии на ключ ток от положительного полюса электрической батареи проходит в провод (линию связи), затем в обмотку электромагнита и через землю (второй «провод») возвращается к заземленному отрицательному полюсу батареи. Когда ток проходит через обмотку электромагнита, то якорь его притягивается, и пишущее колесико при помощи пишущего рычага прижимается к бумажной ленте, которая непрерывно и равномерно протягивается при помощи часового механизма. Прижимаясь к ленте, пишущее колесико оставляет на ней след в виде черточек и точек. Точки получаются при коротком нажатии на телеграфный ключ, замыкающий цепь тока, тире – при длительном нажатии. После прекращения нажима на головку ключа спиральная пружина быстро размыкает контакты, через которые проходит ток в линию связи. Ну, вот как-то так я себе это представляю.

– Поразительно! Позвольте мне кое-что за вами записать ...

Шиллинг промучил меня где-то полчаса, под диктовку записывая мои «откровения».

– Но сразу скажу, предложенное мною решение – это тоже временная мера, паллиатив. Настоящий прорыв произойдет только тогда, когда телеграфные аппараты станут «буквопечатными».

– Ну почему же, – не согласился Шиллинг, – мне и ваша телеграфная азбука нравится. Особенно она хороша для шифровки. Думаю, ее по достоинству оценят и военные и дипломаты.

– Это только на первых порах, пока ее не взломают. Чтобы на таких аппаратах работать людям требуется определенная сноровка, а у нас большинство населения неграмотное, а та его часть, что числится грамотным, зачастую, по слогам читает! Какая с них, спрашивается, еще и телеграфная азбука?!

– Зачем же так ... Для нужд военной, дипломатической или правительственной связи подобная азбука подойдет. Умельцев ведомства в своих недрах выищут быстро.

– Да я и не спорю. На первых порах телеграфным сетям и моей азбуки за глаза хватит задач по обслуживанию российского бюрократического механизма. Но в будущем, по мере

удешевления связи и роста ее доступности, телеграфом начнет пользоваться и простое население, телеграф превратится в аналог почты, почтовых отправлений.

– Возможно, вы и правы, так далеко, признаться, я не заглядывал ...

– Поэтому-то, Павел Львович, пока не будет создан полноценный «самоотмечающий» телеграфный аппарат, заточенный под мою телеграфную азбуку, настоятельно прошу вас воздержаться от публичной демонстрации телеграфных аппаратов, а также ни в коем случае не рассказывать подробности своей работы ученым-физикам, с которыми вы состоите в переписке. Если вы в своем замечательном открытии на самом деле признаете хотя бы долю моего участия, то, я думаю, выполнить мои скромные пожелания, которые, прошу заметить, в будущем пойдут нам обоим на пользу, если мы действительно собираемся организовать в России совместный бизнес, то, повторю, выполнить эти мои рекомендации вам не составит особого труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.